

УДК 81-16

DOI: 10.17223/19986645/69/4

А.С. Дружинин

ЯЗЫК И РЕАЛЬНОСТЬ: ДО ИЛИ ПОСЛЕ, ВМЕСТЕ ИЛИ ВМЕСТО?

Обсуждается проблема реализма в лингвистике. Выдвигается гипотеза о том, что реальность конструируется человеком в языке и вне конструирования отсутствует. Гипотеза построена на лингвофилософии энактивизма и подтверждается экспериментом. Доказывается, что концептуальные и семантические структуры являются продуктивными действиями человека по абстрагированию своего телесного опыта и рефлексированию над ним. Эти операции (и их результаты) составляют реальность, в которой живет человек.

Ключевые слова: конструирование реальности; энактивизм; радикальный конструктивизм; ре-презентация; референция; теория познания.

Reality is an explanatory principle... for our experience.

H. Maturana

Введение: постановка проблемы

Основатель общей семантики А. Коржибски так определил роль языка и языковых абстракций в жизни человека: «Карта не есть территория» (1931) [1]. Этой метафорой он показал, что человек не имеет прямого доступа к реальности и языковая семантика – это его когнитивный предел. На одной из лекций он продемонстрировал это своим студентам наглядно: во время занятия он достал из кармана печенье под предлогом того, что ему нужно перекусить. «Вкусное печенье, разве нет, не хотите?» – предложил он нескольким студентам, сидящим впереди. Студенты взяли угощение и с удовольствием его съели, подтвердив слова преподавателя. Затем Коржибски достал упаковку от печенья, на которой было написано «Печенье для собак». Студенты немедленно выплюнули то, что секунду назад они назвали вкусным. «Слова иногда вкуснее реальной еды», – подытожил лектор [2. S. 58].

Теория А. Коржибски сурова, но она лишь продолжает традиции картезианского дуализма, согласно которому человек – это пользователь языка, а язык репрезентирует реальность или рисует картину мира. Этот постулат, популярный в лингвистических учениях до сих пор, можно было бы принять за аксиому. Но одно ли и то же быть пользователем языка и пользователем, например, компьютера как средства коммуникации и познания? Если компьютер можно отключить и на время не пользоваться его обширной электронной памятью, то возможно ли представить обстоятельства, при которых можно отключить язык, а значит, всю семантическую память? А что если А. Коржибски в своем шуточном эксперименте не раскрыл бы

тайну названия печенья? Кто бы еще смог развеять уверенность студентов в том, что они съели *реально* вкусное печенье?

Хотя идея конструирования мира в языке уже неоднократно высказывалась далеко за пределами теории лингвистической относительности Сэпира–Уорфа (ср. когнитивные механизмы конструирования в работах Р. Лангакера и Л. Талми [3, 4]), все равно исходные предпосылки ученых так или иначе опираются если не на онтологию реальности, то на онтологию языка. Говоря о том, что язык конструирует реальность в тех или иных образах, ученые подразумевают под конструированием скорее толкование (*construal*), чем активное создание, выстраивание, тем самым признавая существование независимой реальности вовне, доступной для интерпретации. В качестве когнитивного доступа видится язык – онтологически заданный телесный ресурс для проектирования мира (Р. Джакендофф, Дж. Лакофф).

Методологический путь, приводящий к таким выводам, можно описать следующим образом. Признание того, что разные люди, например, живут в разных культурах и действуют в разных ситуациях, а значит, создают субъективные образы мира, говорят и выстраивают семантический синтаксис по-разному и по-разному строят реальность, логически подразумевает существование некоего эталона – основания для сравнения и сопоставления таких семантических синтаксисов, культур и реальностей. Такое основание в виде определенных концептуальных структур находится внутри наблюдателя, того, кто проводит сравнение. Наблюдателю легко принять данное основание за некий объективный мир, абсолют, реальность как она есть и сложно представить, что эта реальность никогда не есть онтологически, а всегда возникает онтогенетически сквозь рефлексивный опыт этого же самого наблюдателя. В этом случае легко поверить в реальность как истину и сложно принять тот факт, что истина – лишь концептуальная (а точнее, эвристическая) структура, создаваемая в рефлексивном акте сравнения нескольких элементов опыта и установления между ними такого отношения, в котором один элемент считается более валидным, чем другой.

Если раньше говорить об осознанном лишении внутреннего основания (*groundlessness*) для сравнения себя с миром можно было лишь в рамках медитативных практик буддистской философии, то сейчас, в эпоху компьютерных технологий, у нас есть гораздо больше эмпирических ресурсов для исследования соотношений в диаде «язык – реальность» методом реконструкции своего собственного опыта (своего рода обратное научение: *an unlearning* вместо *a learning*, предложенный Ф. Варелой, Э. Томпсоном и Э. Рош [5. Р. 29]). В этой статье мы попытаемся предложить такой путь решения проблемы реализма в лингвистике и смежных с ней дисциплинах, который позволяет исключить исходное основание для сравнения наблюдателем (своего) мира и языка.

Предмет и метод

Определить реальность как понятие не просто. Еще сложнее выбрать или разработать подход к проблеме реализма, сформулировать соответ-

ствующую гипотезу и предоставить доказательную базу. Но исследования языка – это прежде всего исследование абстракций. И поэтому решить, абстракции чего именно мы исследуем, – одна из приоритетных задач в теории языка.

Само понятие «реальность» (от лат. *res* «материя, вещь») отсылает нас к онтологии, занимающейся изучением сущности и происхождения материи, ее организации в пространственно-временном континууме, ее роль в познавательной жизни человека. В общефилософском смысле материя – это свойство пространства, а пространство – это свойство бытия, образующее протяженность существования, однако существование чего именно – материального мира или человеческого сознания (или же разума), остается предметом научных дискуссий в различных направлениях философской мысли:

– материализм или идеализм: существует ли материя вне мысли (сознания)?

– объективизм или субъективизм: какова степень объективности реального мира, возможно ли достичь объективное знание?

– рационализм или ментализм / сенсуализм: ограничено ли познание реальности рамками рассудочной деятельности человека или же является результатом всех его психических процессов?

– концептуализм или эмпиризм: реальность концептуальна или перцептуальна?

– физикализм или номинализм: является ли пространство физической величиной реального мира, или это результат номинации?

На первый взгляд оппозиции философских концепций кажутся вечно неразрешимым научным вопросом, а любые попытки принять ту или иную позицию в современных лингвистических исследованиях чреваты схоластикой. Но этой проблемы можно избежать, если сформулировать вопрос иначе.

Колумбийский ученый, биолог и философ У. Матурана, активно занимавшийся проблемами научной методологии, в одной из своих последних статей убеждает читателя в том, что не стоит искать ответ на вопросы «что есть тот или иной фрагмент реальности?» или «как происходит такое явление?». Вместо этого нужно поставить вопрос о том, что мы делаем, чтобы обнаружить это явление? Иными словами, какие действия мы совершаем, чтобы что-то стало частью нашей реальности? [б. Р. 162]. Основатель операционализма в философии науки, нобелевский лауреат, физик П. Бриджмэн еще в 1927 г. утверждал то же самое в своей книге «Логика современной физики», где пытался показать, что значения таких фундаментальных физических понятий, как «пространство», «время», «скорость» и т.д., не что иное, как совокупность операций по измерению соответствующих величин. Говоря о времени, например, мы просто сравниваем два или более процесса между собой. Еще раньше А. Пуанкаре выразил похожую идею о том, что физика и геометрия пространства раскрываются только в опытных действиях: «...мы производим опыт не над свойствами пространства, а над свойствами как того материала, из которого пригото-

лен объект [измерения], так и того, из которого сделан метр, служащий для измерений» [7. С. 66].

Подобный принцип познания в действии стал приоритетной методологической установкой для **философии энактивизма**, относительно нового направления конструктивизма в эпистемологии. Его основатели и последователи Ф. Варела, У. Матурана, Э. Томпсон, Э. Рош, А. Ноэ, Н. Луман, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Ферстер, Ф. Капра, Г. Бейтсон, А.В. Кравченко, Е.Н. Князева, «идейные вдохновители» А. Бергсон, У. Джеймс, Г. Файхингер, Я. фон Иксюль, М. Мерло-Понти убеждены в том, что *нам дано только одно – способ того, как можно взять*. Иными словами, в природе есть одна данность – жизнь, а жизнь – это познание, а познание – это действие (living is knowing). Только различия в действиях, совершаемых живыми организмами, приводят к различиям в том мире, где они живут. Вся неживая природа, материя, не имеет никакого смысла, не может получить никакого описания, использования и т.д. без жизни, без вдействия (enactment) кого-то в эту природу. Нет необходимости отделять мир от жизни в этом мире, а именно: объект от субъекта, действительность от действий, мысль от мышления и т.д. В этом заключается основной методологический принцип современной философской школы – отрицание дуализма и холистическое рассмотрение гносеологических проблем. «Прошло время разделения и дифференциации, настало время соединения и интеграции» [8. С. 5]. Холизм в научной методологии становится способом объяснения и реконструкции процессов со-возникновения, ко-эмерджентности частей и целого.

Реальность как вещьность, материальность мира не дана всем живым организмам априори, рыбы и птицы, например, не осознают протяженность материи вокруг. Чтобы понять, что есть реальность, нужно объяснить то, как она возникает в *действиях человека*. Для этого необходимо провести **анализ** особых познавательных операций, которые совершает человек, чтобы создать пространственно-временную протяженность своей жизни (*действия* → *реальность*). Но одного анализа недостаточно: человек совершает все свои действия не в изоляции, а во *взаимодействии* с окружающей средой (Umwelt по Я. фон Иксюлю, Lebenswelt по Э. Гуссерлю, Sensorimotor World по Э. Томпсону), черпая из нее энергию и преобразуя ее в свои структуры (*действия* ↔ *среда*). Значит, необходимо **синтезировать** результаты анализа в единую целостную эпистемологическую (а вернее, экологическую) картину «*действия* ↔ *среда* ↔ *реальность*», где среда, с которой человек *взаимодействует*, становится для него в конечном счете реальностью, и наоборот – реальность, которую человек создает, становится для него окружающей средой *действий*.

Гипотеза: язык = реальность

Как было уже отмечено ранее, слово «реальность» восходит к латинскому *res* «материя, вещь» и буквально означает «мир вещей, материаль-

ность» [9]. Это значение можно проследить в юридическом термине *real estate* «недвижимое имущество», продажей которого занимаются *риелтеры*. Но чтобы окружающий мир оказался наполненным вещами, а собственность оказалась недвижимой, невозможно быть все время рядом с этими вещами и сторожить, чтобы имущество не уехало. Нужно просто поверить и признать, что материя и вещи, дома и квартиры не исчезают, а остаются теми же самыми объектами даже тогда, когда мы на них не смотрим, тогда, когда мы находимся в открытом море, где вокруг нет ничего, кроме безграничного горизонта, даже тогда, когда риелтор смог продать всю недвижимость клиента и уехать в поисках новой работы. То есть признать *на бумаге* или *на словах*. Только тогда вещи наполняют собой окружающий мир, где мы всегда знаем, где находятся либо могут находиться объекты, как и когда они могут появиться перед нами и из какого они материала.

Такой мир вещей и материи, т.е. реальность, не существует ни для одного живого организма, кроме человека, потому что только человек может организовать для себя такой порядок благодаря действиям в мышлении, языке и эмоциях (*thinking + languaging + emotioning* [10. P. 96]). Даже сами того не замечая, мы принимаем условность (допустим, изображение источника звука на экране кинотеатра впереди нас) за действительность (источник звука в колонках сбоку от нас) и тем самым создаем свою реальность, недоступную для познания и действия других организмов, но являющуюся условием нашего существования. Это сопутствующая человеческому восприятию когнитивная «оболочка», в которой все предметы мира превращаются в объекты познания, условность, фикции (в терминологии Г. Файхингера). Такова когнитивная прерогатива человека, дающая ему, как выразился А. Бергхольц, «иллюзию того, что он может вырваться из своего непосредственного окружения, *Umwelt*» [11. P. 27]. И это возможно только в языке: «...мы – слабые и ограниченные существа, но значения слов позволяют нам при помощи звуков и значков на бумаге мысленно охватывать весь мир» [12].

А. Коржибски спросил бы: каково же соотношение таких карт в виде значков и звуков с самой территорией? В этом принципиальном вопросе по проблеме лингвистической семантики и расходятся традиционный подход и «недавнее концептуальное порождение когнитивной науки» [8. С. 5], находящееся еще только в процессе своего лингвофилософского становления. Территория создается в процессе создания карты – так можно сформулировать лингвофилософский принцип энактивизма. **Реальность – это всегда активный процесс конструирования, который возможен только в языке, а точнее, в семантической жизни (*semantic living*)**. Мы начинаем действовать по отношению к нашему окружению как материально распределенному миру (т.е. реальности) только благодаря тому, что называем и/или помним названное. В природе нет постоянных объектов и вещей: прежде всего они должны нам такими казаться, а чтобы это случилось, надо их превратить в стабильные символические структуры своего опыта.

Недаром глаголы «сказать» и «кажется» имеют общий корень: назвать что-то значит упорядочить свои представления (представления *Darstellung* как то, что предстает перед нами, и представления *Vorstellung* как то, что предстает в нашем воображении) в знакомые структуры.

Объяснительная часть гипотезы: ре-презентации, референции и реальность

Философский термин «репрезентация» первоначально относился к области эпистемологических исследований, посвященных вопросам познания, сознания и сущности познаваемого. Очень часто этот термин стал фигурировать в современной лингвистике когнитивного направления, и нельзя сказать, что предлагаемая интерпретация научного термина соответствует его оригинальному философскому пониманию. Не вдаваясь в подробности, приведем лишь некоторые примеры сочетаний со словом «репрезентация» в научном дискурсе, иллюстрирующих неоднозначный взгляд на то, что можно репрезентировать: «репрезентации мыслительных структур», «репрезентация знаний», «репрезентация концептов», «репрезентация событий», «репрезентация мира», «репрезентация реальности» и др.

По-английски *represent* буквально значит «замещать, выступать в качестве». Но о каком замещении идет речь в контексте когнитивной деятельности? Отвечая на этот вопрос, Х. фон Ферстер рассказывает историю о норковой шубе: по окончании зимнего сезона Госпожа Икс положила шубу в шкаф в надежде на то, что осенью без проблем «извлечет» (*retrieve*) из шкафа этот предмет одежды. Однако открыв шкаф осенью, она обнаружила вместо шубы надпись «Вот шуба!» [13. Р. 103–104]. Примерно так происходят наши когнитивные процессы, только роль шкафа играет память, в качестве шубы выступает перцептуальное переживание (*an experience*), элемент сенсомоторного опыта (в данном случае – ощущение тепла). Репрезентация же и есть та самая надпись, символическое средство замещения, замены непосредственного актуального опыта. Только в отличие от истории с Госпожой Икс, которая вряд ли сможет согреться простой надписью «Вот шуба!» в холодный зимний сезон, мы в своих мыслительных действиях надеваем такую замену шубы каждый раз в своей языковой реальности, чтобы хоть как-то «возвращать» себе тепло уже пережитых, ушедших состояний.

Э. фон Глазерсфельд отмечает, что в традиционной интерпретации термина *representation* присутствует двусмысленность, которая, в свою очередь, возникла в результате неоднозначного перевода на английский язык немецких существительных *Darstellung* и *Vorstellung*, предложенных И. Кантом в «Критике чистого разума» для описания структуры эмпирической реальности. Оба термина были переведены словом *representation*, которое подразумевает репродукцию, копию, любую другую структуру, которая с той или иной степенью изоморфности должна соответствовать оригиналу. Однако репрезентация *Vorstellung*, в отличие от *Darstellung*,

связана с самостоятельным (как будто магическим) генерированием образов в сознании человека без обязательного актуального наличия (*presence / presentation of*) объектов восприятия. Именно о такой репрезентации писал Кант, когда рассуждал о способностях человеческого разума совершать различные ментальные действия «внутри себя» [14. Р. 94].

Вопрос терминологической точности снимается Э. Глазерсфельдом с помощью орфографии (*representation* и *re-presentation*). Репрезентации тем самым включают графические или символические схемы как формы перцептуального материала для воспринимающего. Ре-презентации же суть вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования с объектом восприятия при отсутствии непосредственного перцептивного подкрепления [Там же. С. 95]. Это своего рода **само-презентация** того, что мы увидели и с чем осуществили действие, или того, как мы это сделали, в воображении и памяти [15]. Ре-презентация «презентирует» нашему сознанию то, что вне этого сознания является принципиально иной сущностью [16. С. 347]. Ре-презентация, таким образом, является заменой «сырьевого сенсомоторного материала» (см. [14. Р. 98]), реконструкцией из памяти прошлого опыта, воспроизведением актуального взаимодействия с миром, способом контекстуализировать и приблизить де-контекстуализованное и отдаленное (см., напр.: [17]).

Ре-презентация – это то, что *предстает в нас, а не перед нами*, такое само-представление автономно, самогенерируемо и не подразумевает непосредственного перцептивного подкрепления. Зачастую сложнее составить карту местности, сидя в кабинете, чем пройти эту местность самому, так же как практически невозможно рассказать прохожему дорогу до ближайшей остановки без жестикуляций и активных движений тела, в которых проявляется сенсомоторное восприятие местности.

Наконец, вернемся к вопросу о том, что же человек ре-презентирует. Сказать, что объектом ре-презентаций выступает реальность, можно лишь с важной оговоркой о конструктивистской интерпретации реальности. Человек не может ре-презентировать просто *reality* то, что он не пережил сам, то, что он не абстрагировал и не назвал именем. «Мы не можем понять то, что мы не абстрагировали», – справедливо замечает Дж. Келли [18]. Это должна быть *a reality*, та реальность, которая создается человеком посредством его индивидуальных переживаний, когнитивных и перцептивных взаимодействий с ближайшим окружением – одним словом, *экспериментальная реальность*.

То, что опыт человека нечто большее чем просто знания, можно проследить в значении самого слова *experience*:

(a) the process of getting knowledge of something that happens to you (e.g. learn from experience),

(b) knowledge of something that happens to you (e.g. I don't have any experience of working with children),

(c) something that happens to you (e.g. It was a pleasant experience) [19].

То, что происходит внутри (knowledge), отождествляется с тем, что происходит снаружи (something that happens). Действия и процессы (the process of getting knowledge) отождествляются со своими результатами (knowledge). Совокупность частей (an experience) определяет целое (experience), и наоборот. Все это говорит о том, что на интуитивном уровне носители английского языка понимают слово *experience* именно так, как понимают его представители энактивизма, а значит, нет ничего неестественного в подобной философской интерпретации мира, человека и языка.

Ре-презентации сами по себе не существуют и не происходят изолированно, их нельзя рассматривать в отрыве от других важных когнитивных процессов. Мы должны раскрыть, что конкретно служит причиной сохранения, поиска и выбора мнемонических средств замещения эмпирического материала в сознании человека. По какому принципу человек извлекает смыслы из перцептуального мира, структурируя их в ре-презентации? Очевидно, конструирование смыслов требует установления определенных когнитивных связей, отношений, в которые человек вступает каждый раз, осуществляя познавательные действия. Эти связи носят семантический характер и помогают привести концептуальную структуру опыта в реальное действие, соединить увиденное с мыслимым и мыслимое с увиденным. Речь идет о языковой референции.

В истории лингвистических учений о семантике и семиотике можно выделить несколько ключевых теорий, объясняющих суть референциальных процессов. В этих теориях четко прослеживается научная позиция по проблеме взаимоотношения языка и реальности.

Взгляд на референцию как *отражение* мира свойствен философии материализма и объективного реализма, где признается, что существует реальность за пределами человеческого сознания, и функция сознания (и психики) заключается в отражении этого реального мира. Семантическое отношение устанавливается между человеком и миром, в котором есть язык как объект действительности. Хорошо известный семантический треугольник Фреге иллюстрирует, как языковой знак, являясь «материальным посредником» между двумя другими материальными системами, соотносит человека (десигнат, понятие) и мир (денотат, предмет или явление) [20].

С развитием когнитивного направления лингвистики все чаще уподобление языка зеркалу ставится под вопрос. Е.С. Кубрякова пишет о том, что «если уже и прибегать к образу зеркала, то язык подобен автопортрету художника, который он рисует, глядя на себя и изображая себя таким, как он видит себя в этом зеркале» [21. С. 90]. Более корректно стало говорить о процессах *отображения*, в которых человек с помощью языка ассоциирует с воспринимаемым миром те или иные образы, согласно этой позиции, язык может отражать не мир, а знания о мире. И.К. Архипов предлагает свою версию семантического треугольника, изображая процесс референции к камню как слияние в сознании человека двух образов слова «камень» – графического и звукового – в результате взаимодействия с самим камнем [22] (рис. 1).

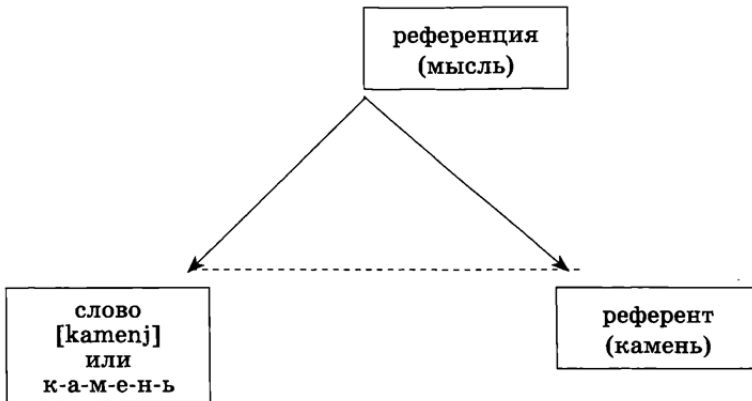

Рис. 1

Тем не менее данный подход к вопросу языковой соотнесенности оставляет без внимания такие важные факторы, как экспериенциальный контекст и когнитивное развитие, влияющие на альтернативное образное видение референта (или отсутствие такового). Например, почему одно и то же слово, сказанное при разных обстоятельствах, может оказать на человека разное воздействие (см., например, экспериенциальный контекст иксемии [23]), а одна и та же ситуация (особенно конфликтная) может быть интерпретирована по-разному? Почему дети незнакомы с референтами так, как знакомы взрослые?

А что если одного референта внешнего мира нет, а есть разные референты «внутреннего» мира? В таком случае уместным будет провести параллель между референцией и *воображением* мира. «Описание и воображение сопутствуют друг другу, поскольку любое описание включает перцептивное предвосхищение эмпирических объектов без их действительного появления» [24. С. 184]. «Воображение играет значительную роль в восприятии и ведет к различному членению ситуации», точки зрения на эту ситуацию [3. Р. 120; 21. С. 175]. И здесь, как справедливо отмечает М. Мамардашвили, стоит иметь в виду не психологическое, а продуктивное воображение: именно продуктивное воображение преобразует «эмпирические данные, дополняет, восполняет их, доводит их до того, чтобы они были вняты, чтобы они нам нечто говорили» [25. С. 346]. «Мир существует только в нашем воображении, и единственная реальность – это воображающее Я», – пишет Х. фон Ферстер [13. Р. 4]. «Единственная реальность, которая доступна нашему познанию, со-производится человеческим сознанием, силой его воображения», – дополняет Э. Морен (цит. по: [8. С. 100]).

Референция, таким образом, есть акт соотнесения наблюдаемого с имеющимся опытом наблюдения, отсылка вновь приобретаемого опыта к уже приобретенному. Этот когнитивный механизм соотнесения всегда интроспективен. Благодаря ему воображается, а значит, объясняется и конструи-

руется (*construe and construct*), изобретается реальность, когда окружающий мир находит свое толкование, свой смысл в когнитивных действиях субъекта (*sense-maker*).

Референциальные процессы объясняет способность человека к **рефлексии**. В рефлексивных актах мышления человек связывает предмет мысли с состоянием самого себя, чтобы преобразовать новое мыслимое. Рефлексия обеспечивает само абстрагирование и оперирование абстракциями. В отрыве от непосредственного восприятия действительности человек не пассивно ожидает появления этой действительности с готовностью узнать то (*re-cognize*), что он раньше видел, а активно управляется опосредованной формой восприятия (*vicarious experiences*). Он начинает думать о своем опыте, абстрагировать его и «манипулировать» созданными отвлечениями, развивая новые абстракции. Рефлексиование позволяет нам выйти за пределы линейного экспериенциального потока, выделить какую-то его часть в качестве объекта внутреннего наблюдения. В рефлексии мы вычленим конкретные перцепты из общей экспериенциальной динамики и смотрим на них, как будто переживаем их непосредственно «здесь и сейчас».

Рефлексия снабжает человека возобновляемыми когнитивными ресурсами для осуществления референциальных процессов, которые можно рассматривать как непрекращающееся циклообразное самоотнесение. Поражает точность, с которой Э. Морен называет человека, генерирующего референции, *эн-цикло-педией*. Этот термин не стоит больше понимать в накопительном и алфавитном смысле, утверждает философ. Вместо этого Э. Морен предлагает интерпретировать его в своем первоначальном смысле: обучение по кругу. Причем это не порочный круг, а продуктивный цикл усвоения знаний, в котором «устанавливается связь между разрозненными точками зрения», где «мысль вращается по кругу, размышляя о самой себе и так до бесконечности» [26. С. 41]. А ведь именно этот тезис доказывает Х. фон Ферстер своим экспериментом со словарными дефинициями, который каждый может провести самостоятельно. Необходимо просто поставить перед собой задачу через поиск толкований дойти до «истинного» источника этих толкований, иными словами, «выйти» на те самые референты объективной, независимой действительности, о которых говорит картезианская лингвофилософия. Без сомнения, такие попытки не увенчаются успехом, поскольку каждый раз одна дефиниция будет ссылаться на другую, пока этот круг не замкнется. В частности, в английском толковом словаре Macmillan существительное *statement* определяется через слово *announcement*, а слово *announcement* – через *statement* (ср.: *statement is a written or spoken announcement; announcement is a public or official statement*) [27].

Из этого следует, что человеческий мир толкований – это одновременно замкнутый и бесконечный круг референций, все время отсылающих к самим себе; в этом мире человек создает смыслы, продуцирующие новые смыслы (или, как выражается Г. Бейтсон, «*make a difference that makes a difference*» [28]). Так формируется реляционная среда, особая область координаций, в которой самое главное правило для человека – это уметь со-

относить воспринимаемое с собой, с тем, что он уже знает, с прицелом на то, что ему предстоит узнать. Язык и есть подобная **среда референций**, соотношений, корреляций. Этимология самого слова «отношение» (*рус.* «извлекать из своей ноши, того, что есть внутри, того, что мы несем с собой»; *англ.* «возрождать»: *re-* «снова, еще раз» + *-latus* «выношенный, рожденный») демонстрирует фактор автономной генерации человеком всех смыслов. Самореферентность (в терминологии У. Матураны, Ф. Варелы) – это непрерывающийся поиск человеком значений в значениях, рекурсивная организация и перестройка его познавательного опыта, это произведение человеком самого себя, создание им своей собственной реальности в языке.

Подводя итог, обозначим место описанного теоретического взгляда на проблему семантики и семиотики в ряду уже разработанных концепций. Изобразим схематически процесс (а точнее, алгоритм) референции следующим образом (рис. 2).

Рис. 2

Язык тем самым мы можем определить как историю перцептивных действий, всегда направляющая новые перцептивные действия и направляемая ими. Такая процессуальная циркулярность совпадает с опытом и реальностью человека [5].

Доказательная часть гипотезы: психолингвистический эксперимент с «объективной» реальностью

В апреле 2019 г. был проведен психологический депривационный эксперимент, который должен был доказать, что реальность конструируется в языке и в актах номинации, а вне этих актов отсутствует. Опишем план эксперимента:

1. **Цель эксперимента:** определить психолингвистическое соотношение языка и реальности в перцептивной и коммуникативной деятельности человека.

2. **Уточняющие условия** проведения эксперимента: участники эксперимента должны были назвать объекты на фотографии.

3. **Экспериментальная ситуация:** в партнерстве с одним из популярных пользователей сети «Твиттер»¹ (@melipone, настоящее имя Sam Howe, число читателей более 5 000), согласившимся от своего имени сделать публикацию, фотографию удалось разместить в условиях естественной

¹ https://twitter.com/melipOne/status/1120503955526750208?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1120503955526750208%7Ctwgr%5E363937393b70726f64756374696f6e&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.ridus.ru%2Fnews%2F297862

коммуникативной среды интернет-пользователей. Надпись над фотографией было решено сформулировать в виде провокационного призыва к действию в языке: подписчики должны назвать хоть один предмет на фотографии (name one thing in this photo). Все, кто проявил желание оставить комментарий под фотографией, стали участниками эксперимента. Во избежание эффекта наблюдателя и предвзятости суждения участникам не сообщали об обстоятельствах публикации и преследуемой научной цели.

4. Ограничительное условие: перцептивный чувственный материал (в виде сгенерированного специальным образом изображения) не имел аналога в предполагаемой объективной реальности.

5. Материал, оборудование и обеспечение: стимулирование деятельности испытуемых осуществлялось с помощью фотографии «псевдообъективного мира», созданной на базе компьютерной программы Ganbreeder (генерация перцептивных симуляций). В виде этой фотографии удалось создать «кажимость реальности», изображение пространства, в котором присутствуют едва узнаваемые, но реально не существующие объекты. Это изображение было сгенерировано из случайного набора цветовых различных одинакового разрешения, скомпилированных в единое целое таким образом, чтобы создать иллюзию не просто объектов, а взаимодействия этих объектов в том или ином контексте. Иными словами, в получившейся графике пространство выглядит вполне «материальным» и «протяженным» (т.е. реальным), четким и ясным и не создает помех для построения зрительного образа, как на обычной фотографии. Однако ни одно из цветовых разграничений не позволяет выделить очертания каких-нибудь привычных зрительных объектов, которые можно было бы идентифицировать, а точнее, назвать, т.е. **они не имеют своего «реального» референта**, это всего лишь случайная матрица дисплеев. По сути, получается псевдофотография, фотография того, чего нет (рис. 3).

Рис. 3

6. Метод. Логико-методологическая процедура проведения эксперимента и интерпретации его результатов основана на принципе доказательства от «противного». Мы исходим из того, что гипотеза «язык есть реальность» противоречит гипотезе «язык не есть реальность» (язык не совпадает с реальностью, а составляет ее картину и средство ее репрезентации). Соответственно, две гипотезы взаимоисключают друг друга и являются антитезисами. В соответствии с законом непротиворечия и двойного отрицания в логике ложность одного из взаимоисключающих суждений подразумевает истинность второго. Поэтому опровержение гипотезы-антитезиса станет доказательством гипотезы нашего исследования.

Программа Granbreeder позволяет создать перцептуальный мир, не вписывающийся в накопленный опыт человека с пространственной протяженностью и объектностью. Таким образом, с ее помощью мы получили изображение объектов, незнакомых наблюдателю (по крайней мере, организаторам эксперимента), но уже имеющих место, в какой-то степени существующих в материальном мире (постольку, поскольку они сгенерированы в реальном времени и пространстве и имеют свой материальный носитель). Если следовать гипотезе-антитезису репрезентационализма (язык – это картина мира и посредник между реальностью и человеком), язык должен именовать, отобразить / отразить реальность семантически. Ограничительное условие эксперимента заключается в том, что объекты в получившемся компьютерном изображении являются новыми для познавательного опыта наблюдателя. Если их номинация должна быть отображательной / отражательной, испытуемые должны или могут назвать объекты именно так, как они расположены в реальном мире – в *незнакомой для наблюдателя языковой форме*, т.е. в виде новых имен, сгенерированных в таком же случайном порядке, в каком был сгенерирован «реальный» перцептивный материал. Невыполнение испытуемыми поставленной задачи считается доказательством гипотезы «язык = реальность», согласно которой реальность не изоморфна, а совпадает с рефлексивным актом конструирования опыта в языке из перцептивного чувственного материала «здесь и сейчас».

Рассмотрим более подробно предлагаемую логическую модель доказательства гипотезы в диалектике.

Возможное противоречие (1): сгенерированная компьютером реальность изначально является незнакомой для испытуемых, поэтому они могут не знать, как назвать изображенные объекты.

Контрдовод (1): знать, как назвать, не одно и то же, что называть. Человек всегда способен подбирать «временное» наименование перцептуальным объектам, пребывая в состоянии неуверенности, консенсуальной несогласованности с другими представителями своего языкового социума. К тому же практически невозможно представить ситуацию, в которой человек мог бы иметь дело с материей, не «рассортированной именем» (Г. Бейтсон).

Возможное противоречие (2): сгенерированная компьютером реальность не имеет ничего общего с объективностью.

Контрдовод (2): объективность – это постоянство объектов. Но объекты не могут стать постоянными сами по себе: для этого нужен язык в акте мышления. Рыбы и птицы, например, не осознают наличие постоянных объектов вокруг – для них (как и для всех нелингвистических существ) объекты возникают одновременно с сенсорными ощущениями и движениями тела. Они не мыслят о том, что не воспринимают «здесь и сейчас», они не способны отличить восприятие от невосприятия. Если бы это было не так, животные бы «помнили» своих детенышей до конца жизни подобно тому, как люди помнят своих детей. Сгенерированное компьютерной программой изображение, предлагаемое для комментирования, становится полноценным объектом внимания и мышления пользователей Интернета, а значит считается частью (их) реальности и объектного постоянства.

Возможное противоречие (3): если появился новый референт в реальности, это не значит, что должен появиться и новый денотат в семантике языка, – это разные онтологические сущности.

Контрдовод (3): в таком случае фрагмент воспринимаемого мира теряет свою «картину» / репрезентацию в языке, а это значит, что о фрагменте мира нельзя будет помыслить, что является невозможным при нормальном функционировании мозга.

Возможное противоречие (4): художники тоже изображают объекты по-новому, так, что объекты не имеют привычных аналогов в реальности.

Контрдовод (4): такие художники не работают в жанре реализма. Специфика Ganbreeder заключается в том, что компьютерная программа позволяет создать изображение объектов в пространственной протяженности, а именно фотографию – то, что по определению не может не «отражать» реальность.

Возможное противоречие (5): ответ информантов «Я не знаю» в той или иной форме станет опровержением гипотезы исследования.

Контрдовод (5): признание того, что мы чего-то не знаем, все же является способом лингвистического взаимодействия с миром и актом ассимиляции (по Ж. Пиаже) этого мира внутри и посредством своего собственного языкового опыта. Сказав о том, что мы не знаем объекты, мы все равно их лингвистически создаем путем своего отношения к тому, что видим (см. также контрдовод (1)). Данное отношение является продуктом рефлексивного мышления, результатом сравнения и сопоставления перцептуально нового и перцептуально знакомого. В естественных условиях мы сопровождаем такой акт ассимиляции дальнейшим преобразованием перцептуальной среды, аккомодацией, превращением этой среды в часть своего опыта, а это значит, что мы начинаем ее толковать и объяснять, в результате чего наше толкование становится этой средой и наоборот (но не отражением / отображением этой среды). Более того, если посмотреть на проблему с позиции гипотезы-антитезиса, то мы также не можем признать ответ «Я не знаю» ее доказательством. Ведь предположив, что принципиально новый фрагмент реальности (т.е. отсутствие знакомых фрагментов) отображается в языковой картине как отсутствие знания («я этого не знаю»), мы придем к тому же самому отождествлению реальности и знания, которое скорее доказывает нашу гипотезу, чем гипотезу репрезентационизма.

7. Обработка и интерпретация результатов. Реакция пользователей превзошла ожидания: в общей сложности было оставлено 4 800 комментариев под оригиналом и перепостом, сделано более 34 000 ретвитов и поставлено более 81 000 отметок «нравится». Стоит отметить, что комментарии пользователей были эмоциональными, многие не сдерживали себя в выражениях. Тем не менее это лишний раз подчеркивает естественные условия проводимого эксперимента. Из всей массы откликов удалось собрать четвертую часть (1 152) для продуктивного анализа – все остальные комментарии оказались либо малосодержательными (411 пользователей признались в разных формах – графических, видеографических и вербальных – в том, что они не знают, что на фотографии), либо составили реплики в беседе подписчиков между собой на отвлеченные темы. Исследуемые комментарии были сделаны 967 разными пользователями в возрастной группе, по доступным на их социальных страницах данным, от 15 до 43 лет.

Около трети комментариев под фотографией были посвящены попыткам назвать видимое, и самым распространенным перцептуальным объектом, конструируемым пользователями, стала стена (94). 87 пользователей высказали предположение, что видят медведя, 53 – пластик, 45 – серьги, среди непопулярных ответов были кислород, платье, коричневый цвет. Кроме того, была предложена альтернативная версия фотографии, где все объекты были видоизменены в фоторедакторе, упорядочены и стали идентифицируемыми (рис. 4).

Рис. 4

Пользователи также активно приводили примеры из жизни, в шутку ассоциируя беспорядочность на картинке с тем беспорядком, с которым они когда-либо имели дело.

Данные результаты доказывают гипотезу эксперимента в том смысле, что испытуемые называли на фотографии то, чего в объективной реально-

сти нет. На фотографии не были изображены ни медведь, ни пластик, ни серьги, тем более там не был изображен беспорядок из чьей-либо личной жизни. Все, что было фотографии, – это случайный набор пикселей. Однако, если в компьютере цифровые сигналы могут продуцироваться в случайных количественных параметрах, для человека перцептивный материал случайным быть не может: наблюдатель должен обязательно придавать количеству какое-либо качество (ср. принцип недифференцированного кодирования Х. Ферстера [13]). Экология восприятия (и языкового поведения) человека заключается в том, что он всегда должен знать, что видит и может увидеть, и видеть то, что так или иначе знает (Дж. Гибсон, У. Найссер). Такое *знание* возможно, как было сказано ранее, в *знакомых*, т.е. *знаковых* структурах – в языке. Участники эксперимента создали из таких структур свою перцептуальную действительность, кто-то описательно (историями), кто-то номинативно (назвав имена объектов). Но ни они, ни их описания, ни их перцептуальный мир не претендовали на объективность в том смысле, в каком понимают ее реалисты.

Подобная интерпретация результатов может вызвать возражения: человек зачастую взаимодействует с реально новым (еще не названным) перцептуальным материалом, что объясняет способность изобретать и познавать приборы, устройства, инновационные технологии. Отметим, что во всех этих случаях человек взаимодействует с уже названной (им) реальностью, но конструктивно (и креативно) трансформируя ее благодаря сложной рефлексивной деятельности – опять же в языке и сквозь свой познавательный языковой опыт.

Намного больший интерес в экспериментальной ситуации представляли ответы респондентов, не сумевших выполнить поставленную задачу и назвать какой-нибудь конкретный объект на фотографии, а вместо этого описавших свои переживания, связанные с восприятием изображения. Здесь мы имели дело уже не с готовым именем, а с процессом его выбора, создания. Иными словами, испытуемые творили, конструировали опыт из данного им перцептуального материала, проходя весь путь установления мыслительных и эмоционально-оценочных (реляционных) связей между ним и уже имеющимися концептуальными структурами. Комментарии пользователей, таким образом, открывали путь не просто к словам и определениям, а к механизму их возникновения, что особо ценно, ведь, как заметил Л.С. Выготский, «при понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива... есть неполное понимание» [29. С. 135]. В нашем случае эти два понимания были тесно связаны с пониманием процессов конструирования реальности в языке.

Анализ реакций пользователей мы провели исходя из трех критериев: описание эмоционально-волевых состояний, мыслительных и перцептивных процессов. Описания были систематизированы, упорядочены по ключевым словам и разбиты на три группы. Все комментарии, разумеется, содержали слова, знакомые носителю языка.

Перцепция	как после инсульта (5); восприятие в состоянии сильного алкогольного опьянения (4); хаос (4); мусор (3); почти узнаю; вижу все возможное сразу (2); я думаю, что вижу; вижу ад; я думал, что видел, но ошибся; как будто видишь сон во сне; как будто стараешься читать во сне; что видят роботы из сериала «Мир Дикого Запада»; как будто слепой; новое, которое хочется назвать, но не получается; болит голова (когда смотрю); болят мозги (когда смотрю); мир глазами робота, не сумевшего пройти тест на «я не робот»; все выглядит так, как будто существует, пока я не начинаю присматриваться; не знаю, что это, но похоже на мое настроение; когда его мир превращается в это, вы не можете позвать на помощь, потому что не можете найти телефон, вы не можете попросить помощи у соседей, потому что не можете найти дверь; куча непонятного хлама; я не вижу ничего, но чувствую вкус меди
Мышление	я растерян (3); теряю рассудок (2); лишаюсь здравомыслия; рвота сознания; невыполнимый тест на психику; что происходит, когда составляешь предложение не сам, а с помощью предиктивного набора; не могу понять; как будто смотришь на фото на другом языке; когда трудно сформулировать то, что ты думаешь, что знаешь; неизвестность; сумасшествие; потеря смыслов; не знаю, что происходит
Эмоции и воля	я плачу, глядя на фото (3); страх; мучение; крайне неприятно; недоумение; ничего хорошего; тревога; расстройство; выводит из себя; мне не по себе; смешно, что не могу увидеть; отвратительно; некомфортно; ужасно; хочется умереть; беспокойство; неуверенность; напрягает; угнетает, бесит; безнадежно; это безбожно; это одновременно и грустно, и пугающе

Во многих СМИ появились публикации посвященные популярной фотографии, в них журналисты давали свою оценку увиденному. Среди новостных сообщений можно выделить следующие:

«Невыполнимая задача: люди выходят из себя, пытаюсь решить эту Интернет-головоломку» / Frustrating Challenge: People are Losing their Minds over this Frustrating Internet Challenge (www.news18.com).

«Проверка на нервы интернет-пользователей: никто не может понять, что на фотографии» / Infuriating Post Asking People to Name One Thing in This Strange Photo Baffles the Internet (www.news.com.au).

«Можете назвать что-нибудь на этой фотографии? И весь Твиттер не может» / Can you Name a Single Thing in This Photo? Neither Can Twitter (www.worldwideinterweb.com).

«Больно смотреть: публикация в Твиттере фотографии... озадачила весь Интернет» / Eye Sore: Viral Tweet... Leaves Internet Stumped (www.thesun.co.uk).

«Разум в ... : вы не сможете назвать ничего на этой фотографии» / Mindf*: You Can't Name One Object in This Photo (www.thebestsocialmedia.com).

«Почему эта фотография неузнаваемых объектов приводит в ужас?» / Why Is This Viral Picture of Unrecognizable Objects so Creepy? (www.livescience.com).

«Оставьте надежду и просто бездумно посмотрите на эту проклятую фотографию» / Abandon All Hope and Gaze upon This Deeply Cursed Image (www.newsavclub.com).

«Можете назвать что-нибудь на этой фотографии? И никто не может!» / Can you Name One Thing in This Photo? Nobody Else Can! (www.thepoke.co.uk).

«Никто не может понять, что к черту происходит на этой фотографии» / People Can't Figure Out What the Hell is Happening in This Photo (www.mashable.com).

«Пользователи Твиттер в недоумении от загадочного фото» / Mysterious Photo Leaves Twitter Stumped (www.6abc.com).

«В сети набирает популярность фото, потому что никто не может сказать, что к черту там изображено» / A Photo is Going Viral Because No One Can Tell What the Heck it Shows (<https://www.kfxfm.com>).

«В соцсети опубликовали проклятую фотографию, на которой ничего не понятно» (www.maximonline.ru).

«Этот снимок озадачивает людей невозможностью понять, что на нем изображено» (www.fishki.net).

«В сети появилось фото, на котором непонятно, что происходит (совсем непонятно)» (www.playboyussia.com).

В общем и целом реакция общественности свидетельствует о том, что поставленная перед информантами задача в искусственных экспериментальных условиях превратилась в естественную потребность многих других пользователей средств массовой коммуникации упорядочить хаотичное пространство на фотографии. Возникновение потребности свидетельствует не только о живом интересе аудитории социальных сетей (и СМИ в целом), но и о том, что стимулируемое перцептуальное действие выполняет жизненно важную функцию для человека как лингвистического конструктора реальности. Представленная на фотографии реальность не стала мотивом для простого угадывания или разгадывания объектов (о чем не станут писать популярные СМИ), а бросила своего рода когнитивно-креативный вызов всем, кто увидел эту фотографию. Объясним, почему.

Изображение в эксперименте, с одной стороны, выступает в качестве стимула для когнитивного действия (структурного восприятия), но с другой стороны, привычное когнитивное действие здесь совершить затруднительно (сложно построить структуры, т.е. осознать и описать видимое). Человек как будто бы выброшен из своей естественной среды обитания – среды смыслов (domain of significance) [5. Р. 156], перцептуальных различий, познанных в языке. Если человек вдруг оказался в такой среде, необходимы определенные когнитивные усилия, чтобы привести перцептуальный хаос в порядок. О таких усилиях пользователи и рассказали в комментариях: кто-то нашел аналогии с миром человека, пережившего инсульт; кто-то поставил себя на место робота, не прошедшего компьютерный тест; кто-то даже почувствовал увиденное на вкус, и т.д. При этом во всех этих попытках можно проследить эмоциональную оценку пользователями своего когнитивного состояния: они недовольны, возбуждены, встревожены и т.д.

Все эти данные говорят о том, что испытуемые сами конструировали реальность. Данные также говорят о том, *как* они ее конструировали, а

именно, в комплексной (*синтетически целостной*) рефлексивной и эмоционально модулируемой деятельности. Таков процесс создания и познания (воображения) реальности в языковых структурах, которые являются одновременно семантическими (мыслительными, концептуальными), эмпирическими (образованы из конкретного перцептуального материала) и реляционными (совпадают со специфической фокусировкой внимания, возникновением избирательного интереса к объекту восприятия и эмоционального фона восприятия).

Эксперимент с фотографией показывает, что любой акт восприятия требует от человека конструктивной деятельности по *созданию своей реальности в языке и из языка (from within)*. Все, что видит человек, – это «ворох кусочков разрозненной зрительной информации», которую он сам синтезирует и структурирует в единый образ благодаря своему же когнитивному опыту [28]. Такой опыт человек получает только в процессе структурного преобразования окружающей среды, превращения ее в свои структуры (эмпирические-концептуальные-семантические, т.е. языковые). Если такой опыт вдруг отсутствует, то нового структурного преобразования среды не происходит. Иными словами, человек не воспринимает тот мир, который никак не вписывается в его ранее созданные структуры, для человека нет той реальности, которую он никак не способен ассимилировать (*assimilate*) и приспособить (*accommodate*) под себя. А если опыт есть, но его не хватает, происходит процесс познания, обучения, но опять же – только в языке [30].

Итак, ни один пользователь не назвал объекты на фотографии в том соответствии, в котором они существовали в реальности *per se* – в незнакомом наблюдателю виде. Испытуемые не отобрали данную им реальность, они ее создали сами из своего опыта и чувственного материала (ср. истории про Дикий Запад, роботов и соседей, которые рассказали в своих комментариях пользователи из США, – в этом есть определенная культурная подоплека). Отображение подразумевало бы совпадение либо по форме, либо по содержанию. Ни один ответ испытуемых не отвечал формальным входным параметрам эксперимента: название для новой реалии «объективного» мира. Содержательно ответы сильно варьировались, а их относительное совпадение (например, ответ «стена») можно было бы считать основанием для объективности и абсолютности, если бы не тот факт, что на фотографии не было названных объектов, а была случайная компьютерная фотогенерация.

В общем и целом, комментарии пользователей если и стали репрезентациями реальности, но только не в том смысле, в котором традиционно понимается репрезентация – как изоморфная структура, соответствующая оригиналу. Здесь стоит говорить о ре-презентациях как актах самостоятельного и продуктивного конструирования смыслов из своего накопленного языкового опыта. Для всех, кто увидел фотографию, она станет такой реальностью, которая была создана в языке и из языка (т.е. в мышлении, эмоциях и сенсомоторном восприятии).

8. Обсуждение. Если бы реальность и язык не совпадали, человек смог бы ориентироваться в мире без языка. Но возможно ли это, особенно для тех, кто

страдает болезнью Альцгеймера и, как убедительно демонстрирует известный нейробиолог и писатель Л. Дженова в своей книге «Все еще Элис», теряет в мире, теряет мир и теряет себя? Оказаться в мире, где нет языка, – значит быть буквально выброшенным за референциальные рамки (ср. *reference frame* «система координат») своих жизненных действий, за собственные измерения мира, которые мы создали для понятного в нем существования. Как изменится футбольный матч, если мяч пересечет референциальные границы поля, расчерченные белыми линиями для всех игроков? Игра остановится.

Наша реальность подобна такой игре, только она семантическая. **То, где мы реализуем себя в полноценной семантической жизни, и есть наша реальность.** Она – процесс и одновременно результат нашего функционирования в языке.

Это необязательно значит, что мы озвучиваем или записываем каждый раз то, что видим. Мы обладаем семантической памятью, которая позволяет нам сохранять результаты познавательной деятельности и использовать их в будущем. Любой перцептуальный объект требует конструирования, а любое конструирование требует от человека семантической памяти, когда не обязательно озвучивать, но обязательно предварительно понимать, что человек готов увидеть.

Реальность и язык – это всегда доступный для рефлексии индивидуальный опыт состоявшихся взаимодействий, которые были абстрагированы¹ и которые направляют процесс конструирования нового опыта. Если бы для человека существовала готовая перцептуальная реальность, то все бы видели одно и то же и говорили бы одно и то же.

Если мы говорим о реальности как о протяженности материи вокруг, то с уверенностью можем сказать, что *реальность вне языка и до языка не существует, потому что она не может быть абстрагирована (осознана), так как для такой операции нужен язык.* А значит, это уже не реальность в своем первоначальном понимании, не мир материи и вещиности, не пространственно-временной континуум. То, как выглядит мир на сенсомоторном уровне без языка, пытаются смоделировать не лингвистические, а так называемые эндофизические исследования. Такие исследования нацелены на то, чтобы проникнуть, как выражается Т. Нагель заглавиями своих знаменитых трудов, «в никуда» (*Взгляд из ниоткуда.* 1986) или в сознание летучей мыши (*Каково быть летучей мышью?* 1974). Но парадокс заключается в том, что это моделирование невозможно совершить без языка.

Существуют мнения, что мышление человека, его процессы концептуализации могут осуществляться до (или даже вне) языка. Утверждается, что «в принципе, для существования концептов язык сам по себе не требуется. Он нужен для обмена концептами и их обсуждения» [31. С. 28]. В одном из исследований категории пространства и времени на материале древнеисландского языка делается заключение, что «в основе представлений о про-

¹ Здесь мы ограничимся упоминанием абстрагирования, но скажем, что с накоплением опыта абстрагирование подвергается также и *обобщению* (генерализации) – упорядочиванию экспериенциальных элементов по принципам сходства и различия.

странстве и времени лежат такие признаки, как “далекий–близкий”, “отделение–соединение”, “круг” и др., которые имеют вполне ясную перцептуальную природу. Лишь на более поздних этапах на формирование понятий пространства и времени влияет язык». «Таким образом, – пишет Е.С. Кубрякова, – можно утверждать, что некоторые концепты даны человеку врожденно» [21. С. 195].

С такими положениями трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, существование концептов (в данном случае, скорее всего, речь идет о существовании в памяти) так или иначе имеет концептуальную основу. Она требует от человека мыслительной способности отвлекаться, абстрагироваться от своей перцептуальной среды и сохранять ее в качестве опыта, которым можно воспользоваться *в отсутствие* такой среды (например, подумать о звонке можно без звука звонка). Это опосредование непосредственного перцептуального опыта не может происходить без символических структур, обеспечивающих доступ к нему. Было бы несправедливым полагать, что «существование» концептов отличается от их образования, т.е. не включает оперирование языковыми структурами или работу соответствующей семантической памяти, так же как несправедливо утверждать, что «существование» страха высоты, например, никак не связано с опытом падения. Во-вторых, понятия пространства и времени суть сами по себе не феномен, а структура, образованная человеком в процессе когнитивной деятельности, и на ее образование не может не влиять язык: она обнаруживает себя только в языке. Возможно, точнее было бы сказать, что восприятие движения, перемещения впоследствии, по мере когнитивного развития, трансформируется в структуру «пространство и время». Здесь также можно отметить, что сам термин «понятие» (в отличие от, например, «перцепт») является продуктом мышления человека, его рассудочной деятельности по упорядочиванию феноменов в структуры. Исходя из всего этого, нельзя с полной уверенностью сказать, что реальность, какой мы ее видим и мыслим, предшествует языку. Если и есть какие-нибудь доречевые представления о предметах и явлениях, то их условно можно назвать сенсомоторными, не достигшими уровня структуры, тем более концептуальной.

Очевидно, язык и реальность (со всеми ее предметами и явлениями) взаимообуславливают друг друга как *полноценная* реляционная среда, в которой существует человек: «...наше перцептуальное знакомство с миром есть постоянное условие и источник языковых значений» [32. Р. 91]. Это единая область, в которой человек организует свой перцептуальный мир и реализует себя как когнитивный организм.

Выводы

Создавая языковые абстракции от своих взаимодействий со средой и рефлекслируя над этими абстракциями в разной эмоциональной тональности, человек выстраивает реальность, в которой ему более привычно и предсказуемо действовать. Но это не означает, что:

1) гипотеза «реальность = язык» оправдывает солипсизм. Солипсизм, как правило, отвергает фактор объективности, но согласно конструктивизму объективность трактуется как адаптивная устойчивость, жизнеспособность концептуальных структур человека. Если структура не оправдывает себя в актуальном действии, она не считается рабочей (по крайней мере, «здесь и сейчас»), а значит, к ней человек будет прибегать в ограниченных случаях либо начнет ее переконструировать;

2) гипотеза «реальность = язык» идентична гипотезе социального конструктивизма. Социальность – это неотъемлемая форма взаимодействия человека со своим окружением. Но убеждение в том, что все понимание мира строится исключительно на коммуникативных практиках, не отражает весь функционал семантической жизни человека, во всяком случае не объясняет факт того, почему реальность не исчезает в период полной изоляции взрослого человека от общества, а более того, подвергается переконструированию;

3) человек может создать так называемую нереальность. Нереальность в грамматических действиях (например, сослагательное наклонение), в ложных описаниях или в художественных формах является достижением рефлексивно-абстрагирующего мышления¹ (Ж. Пиаже), позволяющим человеку на какой-то момент отделить «сказанное от кажущегося» [25, 30]²;

4) изучая иностранный язык, человек попадает в другую реальность и может посмотреть на мир глазами иностранца. Изучающий иностранный язык просто получает возможность для расширения своего же опыта абстрагирования и рефлексирования (т.е. расширения своей реальности);

5) есть одна реальность для всех, но из-за того, что люди говорят на разных языках, эту реальность трактуют по-разному. Сравнивая разные культуры и языки, Сепир и Уорф сравнивали их со своим опытом, и только с ним, а не с некой универсальной реальностью. Чтобы утверждать, что существует истинное знание мира, нужно быть уверенным в том, что «картина» мира, которую мы создаем из перцептов и концептов, является во всех отношениях правильной. Но чтобы быть в этом уверенным, нужно суметь сравнить такую «картину» с самим миром, т.е. посмотреть на них отдельно и независимо. А это сделать невозможно, потому что в самом начале подобного эксперимента «картина» (т.е. наш абстрагированный опыт) предварительно будет уже внутри нас (мы предвзяты этой «картиной»), и чтобы отделить ее от себя, необходимо выйти за пределы своего сознания и буквально прекратить быть собой.

Энактивизм, основанный на идеях радикального конструктивизма и теориях сложных систем, непримирим с дуализмом и редукционизмом. Попытки разъединить реальность и язык – это уход от холизма и когнитивной экологии, экологии цикличного взаимодействия человека со своей

¹ Г. Файхингер называет это методом абстрактного обобщения [33].

² Более обстоятельное описание данной когнитивной процедуры составляет предмет отдельной научной работы.

средой, когда среда становится частью человека, а человек – частью среды. В этом взаимодействии и создается реальность. Без взаимодействия реальности нет: если мы ничего не знаем и нам никто не сказал о том, что в соседнем лесу рухнуло дерево, для нас этого падения нет, в нашей реальности оно отсутствует. Но как только мы об этом подумали – для нас это реально. Означаемое и означающее больше не рассматриваются как две стороны языкового знака. Это одно действие, совершаемое человеком в абстрагировании (от своего опыта) и рефлексии (над тем, что и как он абстрагировал) с целью сделать мир более предсказуемым для себя.

Экология энактивизма открывает новые перспективы в исследованиях семантики и различных дискурсивных практик. Дойти до сути семантической структуры – значит посмотреть на нее как на эмпирическую и концептуальную одновременно. А это значит **признать, что слова и другие единицы лингвистического анализа – не просто знание, а часть семантической и сенсомоторной жизни человека, и любой акт их «проживания» (употребления) свидетельствует, прежде всего, о том, что происходит с человеком и в человеке** [34]. В этом заключается главная сложность, но в этом кроется и мощный лингвофилософский потенциал холизма. Ведь сказать, что мы просто выражаем смыслы (выразить, т.е. «направить удар на что-то / кого-то»), все равно что сказать, что мы просто выдыхаем воздух. В таком подходе к семантике и дыханию нет целостности, нет экологии, био-логичности. Мы не просто выдыхаем воздух, а откуда-то прежде его берем, т.е. вдыхаем; мы не просто выражаем, мы *воображаем* смыслы (во-об-разить, т.е. «воплотить в образе, дать чему-то образ, осуществить» [35]) из уже накопленных когнитивных ресурсов. Поэтому сказать, что человек – пользователь языка, – значит сказать, что человек – пользователь воздуха. Человек – это активный **лингвистический конструктор своей реальности**, так же как он является активным конструктором (не пассивным вместилищем) своих кислородных ресурсов.

Вся наша реальность – лишь абстракции и рефлексии в эмоционально-волевых действиях, наделяющих смыслом нашу сенсомоторную жизнь. Такой подход к реализму в лингвистике радикален. С одной стороны, принять то, что вся реальность создается самим человеком в языке, непросто отчасти и потому, что «нельзя сказать, где начинается и где заканчивается язык» [15]. Как и идеи радикального конструктивизма, он может быть многим не по душе, как пишет Э. фон Глазерсфельд про свою философию в одной из последних статей, опубликованных при жизни. «Люди все время стремятся к точности, непоколебимости, уверенности, объективизму, снимая с себя долю ответственности за свои действия» [36]. Но с другой стороны, такая форма реализма дает человеку больше причин для познавательных инициатив, создания нового, развития и прогресса научных идей вместо спокойной веры в абсолютную истину, больше свободы для выбора, где интерпретация этого выбора означает еще один выбор (см., например, конструктивный альтернативизм Дж. Келли).

А. Коржибски в шуточном эксперименте доказал своим студентам, что абстракции бывают вкуснее реальной еды. Однако он не учел того обстоятельства, что для субъекта языковой среды субстанция становится едой только в соответствующей абстракции. Станем ли мы покупать в магазине продукт, на упаковке которого ничего не написано? Станем ли мы готовить блюдо, назвать которое не в состоянии?

Литература

1. *Korzybski A.* A Non-Aristotelian System and its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics. Paper presented before the American Mathematical Society at the New Orleans, Louisiana, Meeting of the A. A. S. December 28, 1931. Reprinted in *Science and Sanity*. 1933. P. 747–761.
2. *Derks L.A.C., Hollander J.* Essenties van NLP: Sleutels tot persoonlijke verandering. Utrecht : Servire, 1996. 725 s.
3. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Stanford, CA : Stanford University Press, 1987. Vol. 1: Theoretical prerequisites. 540 p.
4. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. Cambridge ; Massachusetts ; London, England : A Bradford Book. The MIT Press, 2000. Vol. 1: Concept structuring systems. 495 p.
5. *Varela F.J., Thompson E., Rosh E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Massachusetts : MIT Press, 1993. 309 p.
6. *Maturana H.* Reflections on My Collaboration with Francisco Varela // *Constructivist Foundations*. 2012. Vol. 7 (3). P. 155–164.
7. *Пуанкаре А.* О науке : пер. с фр. / под ред. Л.С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М. : Наука, 1990. 736 с.
8. *Князева Е.Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. 352 с.
9. *Online Etymology Dictionary.* URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.11.2019).
10. *Maturana H.* Self-consciousness: How? When? Where? // *Constructivist Foundations*. 2006. Vol. 1 (3). P. 91–102.
11. *Bertholz A.* Simplexité (La). Paris : Odile Jacob, 2009. 256 p.
12. *Нагель Т.* Каково быть летучей мышью? URL: <https://fil.wikireading.ru/561> (дата обращения: 21.07.2019).
13. *Von Foerster H.* Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition. New York \$ Berlin : Springer Verlag, 2003. 362 p.
14. *Von Glasersfeld E.* Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning. Bristol : Falmer Press, 1995. 231 p.
15. *Cuffari E., De Jaegher H., Di Paolo E.* From Participatory Sense-Making to Language: There and Back Again // *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2015. Vol. 14 (4). P. 1089–1125.
16. *Бейтс Э.* Интенции, конвенции, символы // *Психолингвистика : сб. ст.* М., 1984. С. 50–102.
17. *Meltzoff A.N.* Origins of theory of mind, cognition and communication // *Journal of Communication Disorders*. 1999. Vol. 32 (4). P. 251–269.
18. *Келли Дж.* Теория личности (теория личностных конструктов). СПб. : Речь, 2000. 249 с.
19. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 19.07.2019).
20. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М. : Наука, 1971. URL: <http://lib.vvsu.ru/books/semi-otika1/page0001.asp#hex1>

21. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
22. *Архипов И.К.* Язык и языковая личность. СПб. : Книжный дом, 2004. 248 с.
23. *Фомина Т.А.* Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // *Вестник СПбГУ.* 2020. № 17 (1). С. 122–134.
24. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 232 с.
25. *Мамардашвили М.* Беседы и о мышлении. М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. 442 с.
26. *Морен Э.* Метод. Природа природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
27. *Macmillan Dictionary Online.* URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 19.07.2019).
28. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные эссе по антропологии, психиатрии, эволюции и эпистемологии. М. : Смысл, 2000.
29. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
30. *Piaget J.* La construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel : Delachaux et Niestlé, 1937. 345 p.
31. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2001. 121 с.
32. *Gallagher S., Zahavi D.* The Phenomenological Mind. An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Sciences. N.Y. : Routledge, 2008. 256 p.
33. *Файхингер Г.* Философия «как если бы». Берлин, 1911 / пер. на рус. Е.Г. Анучин, 2017. URL: <https://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-vaihinger/423-kniga-gans-fajkhinger-filosofiya-kak-esli-by-chast-1-predislovie-i-soderzhanie>
34. *Дружинин А.С., Фомина Т.А., Поляков О.Г.* Эвфемизмы, дисфемизмы и экспериментальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // *Язык и культура.* 2020. № 50. С. 23–40.
35. *Виноградов В.В.* История слов. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (дата обращения: 19.07.2019).
36. *Von Glasersfeld E.* Why People Dislike Radical Constructivism // *Constructivist Foundations.* 2010. Vol. 6 (1). P. 19–21.

Language and Reality: Before or After, In or Instead?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 69. 67–93. DOI: 10.17223/19986645/69/4

Andrey S. Druzhinin, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Keywords: reality construction, enactivism, radical constructivism, re-presentation, reference, theory of knowing.

The article deals with the notion of reality and the problem of realism in the theory of language. In the traditional paradigm, language is seen as a medium between human and reality helping the former to draw a conceptual map of the latter. It is not made clear though why some 'maps' are called unreal (*Cf.* subjunctives) or why a language user cannot decide to deal with reality without any go-betweens. In the present article, it is hypothesized that reality is emergent in language only, or rather, through languaging, i.e. the circular process of reflective organization of sensorimotor and emotional experience. The research is based on the non-dualist, enactivist approach to reality where there is no distinction between life and living, living and acting, acting and actuality, actuality and perception, perception and knowing. It is posited that reality is self-referential and constructed out of abstractions from a subject's perceptual experiences, which is possible only in and through the respective semantic substitutes,

or re-presentations. Thus, it makes no sense to speak of ‘objective’ or ‘extra-language’ reality because what is real is experiential, what is experiential is abstracted from perception, what is abstracted is language-based, and what is not abstracted does not ever exist or/and cannot be perceived at all. To prove these theoretical tenets, a psycholinguistic experiment was carried out in April, 2019, to discover the perceptual and cognitive character of the ‘objective’ reality which is traditionally understood to exist beyond languaging. The computer program *Gan-breeder* made it possible to simulate unprecedented perceptual experiences in a photographic mode. According to the philosophy of objective realism and mirroring of the world, such simulations are supposed to be linguistically rendered in a respective unprecedented manner. The results of the experiment show that it did not happen, and all the participants reported seeing what they knew in a way familiar to all the English language community. Thus, it proves the hypothesis that we can see only what we have abstracted fully or partially in/through language structures. The implications of research suggest that the enactivist perspective on realism opens up new horizons for studies into language allowing for a holistic understanding of its semantic structures. In particular, a semantic structure might be seen as an experiential item constructed in the dynamics of one’s reflections upon the perceptual objects abstracted from the immediate perceptual field.

References

1. Korzybski, A. (1933) *A Non-Aristotelian System and Its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics*. Paper presented before the American Mathematical Society at the New Orleans, Louisiana, Meeting of the A. A. A. S. December 28, 1931. In: *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Lancaster, Penn., and New York: The International Non-aristotelian Library Publishing Company. pp. 747–761.
2. Derks, L.A.C. & Hollander, J. (1996) *Essenties van NLP: Sleutels tot persoonlijke verandering*. Utrecht: Servire.
3. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press.
4. Talmy, L. (2000) *Toward a cognitive semantics*. Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge; Massachusetts; London, England: A Bradford Book. The MIT Press.
5. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosh, E. (1993) *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Massachusetts: MIT Press.
6. Maturana, H. (2012) Reflections on My Collaboration with Francisco Varela. *Constructivist Foundations*. 7 (3). pp. 155–164.
7. Poincaré, A. (1990) *O nauke* [On Science]. Translated from French. 2nd ed. Moscow: Nauka.
8. Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Universitetskaya kniga.
9. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 22.11.2019).
10. Maturana, H. (2006) Self-consciousness: How? When? Where? *Constructivist Foundations*. 1 (3). pp. 91–102.
11. Bertholz, A. (2009) *Simplexité (La)*. Paris: Odile Jacob.
12. Nagel, T. (1981) *Kakovo byt' letuchey mysh'yu?* [What Is It Like to Be a Bat?]. [Online] Available from: <https://fil.wikireading.ru/561> (Accessed: 21.07.2019). (In Russian).
13. Von Foerster, H. (2003) *Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition*. New York; Berlin: Springer Verlag.
14. Von Glasersfeld, E. (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. Bristol: Falmer Press.
15. Cuffari, E., De Jaegher, H. & Di Paolo, E. (2015) From Participatory Sense-Making to Language: There and Back Again. *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 14 (4). pp. 1089–1125.

16. Bates, E. (1984) Intentsii, konventsii, simvoly [Intentions, conventions, symbols]. Translated from English. In: Shakhnarovich, A.M. (ed.) *Psikholingvistika: sb. st.* [Psycholinguistics: Articles]. Moscow: Progress. pp. 50–102.
17. Meltzoff, A.N. (1999) Origins of theory of mind, cognition and communication. *Journal of Communication Disorders*. 32 (4). pp. 251–269.
18. Kelly, G. (2000) *Teoriya lichnosti (teoriya lichnostnykh konstruktov)* [A Theory of Personality (A Theory of Personal Constructs)]. Translated from English. St Petersburg: Rech'.
19. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed: 19.07.2019).
20. Stepanov, Yu.S. (1971) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.vvsu.ru/books/semi-otikal/page0001.asp#xex1>
21. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rech'i s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
22. Arkhipov, I.K. (2004) *Yazyk i yazykovaya lichnost'* [Language and Language Personality]. St Petersburg: Knizhnyy dom.
23. Fomina, T.A. (2020) X-phemisms, or On the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms. *Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 17 (1). pp. 122–134. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2020.108
24. Neisser, U. (1981) *Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii* [Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology]. Translated from English. Moscow: Progress.
25. Mamardashvili, M. (2018) *Besedy i o myshlenii* [Conversations about thinking]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
26. Morin, E. (2005) *Metod. Priroda prirody* [Method. The nature of nature]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
27. *Macmillan Dictionary Online*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 19.07.2019).
28. Bateson, G. (2016) *Ekologiya razuma: Izbrannye esse po antropologii, psikiatrii, evolyutsii i epistemologii* [An Ecology of Mind: Selected Essays on Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology]. Translated from English by D.Ya. Fedotov, M.P. Papush. Moscow: Smysl.
29. Vygotskiy, L.S. (1934) *Myshlenie i rech'* [Thought and Language]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
30. Piaget, J. (1937) *La construction du réel chez l'enfant*. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé.
31. Boldyrev, N.N. (2001) *Kognitivnaya semantika (kurs lektsiy po angliyskoy filologii)* [Cognitive semantics (course of lectures in English philology)]. Tambov: Tambov State University.
32. Gallagher, S. & Zahavi, D. (2008) *The Phenomenological Mind. An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Sciences*. N.Y.: Routledge.
33. Vaihinger, H. (2017) *Filosofiya "kak esli by"* [The Philosophy of "As If"]. Translated from German by E.G. Anuchin. [Online] Available from: <https://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-vaihinger/423-kniga-gans-fajkhinger-filosofiya-kak-esli-by-chast-1-predislovie-i-soderzhanie>.
34. Druzhinin, A.S., Fomina, T.A. & Polyakov, O.G. (2020) Euphemisms, Dysphemisms, Orthophemisms and Experiential Context: A Holistic View on the Linguistic Problem. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 50. pp. 23–40. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/50/3
35. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov* [History of Words]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (Accessed: 19.07.2019).
36. Von Glasersfeld, E. (2010) Why People Dislike Radical Constructivism. *Constructivist Foundations*. 6 (1). pp. 19–21.